

DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-11-58-69

EDN: PC1HLX

РОЛЬ КОНГРЕССА США В РАЗРАБОТКЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПОЛИТИКИ “СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ” В ТАЙВАНЬСКОМ ПРОЛИВЕ

© 2023 г. И.А. Цветков

*ЦВЕТКОВ Иван Александрович, кандидат исторических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-5503-0763, ivan558@mail.ru
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, 199034 Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7-9.*

Статья поступила 08.06.2023. После доработки 14.06.2023. Принята к печати 30.07.2023.

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция политической стратегии США в отношении тайваньской проблемы. На протяжении нескольких десятилетий американский подход характеризовался “стратегической неопределенностью”, но в последнее время появились признаки более однозначной поддержки Тайваня. Вопрос о том, можно ли считать завершённой эпоху “стратегической неопределенности”, решается автором с помощью анализа изменений в американском внешнеполитическом механизме. Отмечается, что Конгресс США начиная с периода президентства Дональда Трампа не только выполняет традиционные для себя функции защитника демократического Тайваня от посягательств со стороны КНР, но и нейтрализует наиболее радикальные инициативы исполнительной власти, направленные на переход к “стратегической ясности” в отношениях с Китаем и Тайванем. Это свидетельствует о стремлении части законодателей отсрочить ликвидацию выгодной для США “стратегической неопределенности”, но уже предпринятые Соединёнными Штатами шаги делают отказ от нее практически неизбежным.

Ключевые слова: Тайвань, американо-китайские отношения, политика “стратегической неопределенности”, Конгресс США.

ROLE OF U.S. CONGRESS IN DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE “STRATEGIC AMBIGUITY” POLICY IN TAIWAN STRAIT

*Ivan A. TSVETKOV,
ORCID 0000-0002-5503-0763, ivan558@mail.ru
Saint Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.*

Received 08.06.2023. Revised 14.06.2023. Accepted 30.07.2023.

Abstract. The article considers the evolution of the U.S. political strategy in relation to the Taiwan problem. For several decades, the American approach has been marked by “strategic ambiguity”, but recently there have been signs of more unequivocal support for Taiwan. The question of whether the era of “strategic ambiguity” can be considered to be over is resolved by the author using an analysis of changes in the American foreign policy mechanism. It is noted that the U.S. Congress, starting from the period of D. Trump’s presidency, not only performs its traditional functions of defending democratic Taiwan from encroachments by the PRC, but also neutralizes the most radical initiatives of the executive branch aimed at the transition to “strategic clarity” in relations with China and Taiwan. This indicates the desire of some legislators to delay the elimination of “strategic ambiguity” that is beneficial for the United States, but the steps already taken by the U.S. government make abandoning it almost inevitable. Political polarization in the United States is an additional and increasingly significant factor influencing the development of a strategy towards Taiwan. The desire of congressmen and senators to attract the sympathy of more radical voters is leading to a revision of the approaches that have developed over the decades since 1979. Maintaining the status quo in the Taiwan Strait is no longer considered unconditionally good, because, according to the new bipartisan consensus in the U.S., that status quo has already disrupted due to China’s rising military power and political ambitions. In such an environment, even American politicians who were previously not prone to provocative behavior, including those representing the Democratic Party, are starting to aggravate the game, while the influence of moderate forces is weakening: the U.S. executive and legislative branches of government are literally racing to demonstrate their readiness to give a tough rebuff to China in the Taiwan Strait. Thus, the internal political split in the United States contributes to further deterioration

of the American-Chinese relations, therefore, the mechanism for balancing the U.S. relations with China and Taiwan that has developed over decades can no longer work with the same efficiency.

Keywords: Taiwan, U.S.–China relations, policy of “strategic ambiguity”, U.S. Congress.

About author:

Ivan A. TSVETKOV, Cand. Sci. (History), Associate Professor, American Studies Department.

ВСТУПЛЕНИЕ

Визит на Тайвань спикера палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси в начале августа 2022 г. стал настоящей мировой сенсацией и превратил Тайвань в центральный пункт глобальной новостной повестки. Такого внимания к тайваньской проблеме не было уже очень давно. Сервис компании *Google*, с 2004 г. отслеживающий частоту запросов по определенной тематике (*Google Trends*), зафиксировал за весь период наблюдений несколько всплесков интереса к Тайваню, но только в 2022 г. их масштаб впервые преодолел условный рубеж в 25% от всего глобального новостного трафика. Это произошло в конце февраля – начале марта 2022 г., когда в связи с началом российской военной операции на Украине многие стали задумываться о вероятности реализации Пекином подобного сценария в Тайваньском проливе. Это привело к росту числа запросов о тайваньской проблеме до отметки 50%. Но через четыре месяца визит Н. Пелоси на Тайвань породил волну еще более ажиотажного интереса. Несколько дней пользователи интернета практически не интересовались никакими другими политическими событиями, и *Google* присвоил этой волне запросов максимально возможный индекс – 100% [ист. 1].

Когда 25 лет назад, в апреле 1997 г., спикер палаты представителей Конгресса США республиканец Ньют Гингрич посетил Тайвань, это, хотя и было оценено специалистами как важное событие, всеобщего внимания не привлекло. Гингрич оказался на острове в завершающий день поездки по странам Восточной Азии, включавшей остановку в КНР и Японии, и провел на Тайване всего несколько часов. Реакция Пекина на визит была негативной, но сдержанной: все ограничилось несколькими осуждающими заявлениями [ист. 2].

В 2022 же году, сразу после отъезда Нэнси Пелоси с острова, Китай организовал масштабные многодневные военные учения в окрестностях Тайваня, в ходе которых над территорией острова даже было запущено несколько баллистических ракет. Перед визитом в китайских социальных сетях и пропагандистских изданиях всерьез

обсуждалась возможность если не ракетного удара по самолету с американской делегацией, то по крайней мере его перехвата и сопровождения истребителями военно-воздушных сил КНР. Безусловно, напряженность в зоне Тайваньского пролива за 25 лет повысилась многократно, и это, помимо прочего, заставляет нас задаться вопросом о механизме принятия внешнеполитических решений по тайваньской проблеме, который сегодня существует в США, и о роли американского Конгресса как одного из подразделений федерального правительства, имеющего конституционные полномочия в сфере внешней политики.

Участие Конгресса США в формировании внешнеполитического курса в отношении Тайваня многократно становилось предметом изучения в отечественной и зарубежной историографии [1, 2, 3, 4]. Как и в случае с другими тематическими исследованиями роли Конгресса в американской внутренней и внешней политике, разработке данного направления весьма способствовала доступность законодательных и иных материалов, собранных во впечатляющей по объему и многообразию представленных документов электронной базе данных *Congress.gov* (и нескольких других информационных базах правительства США). Наличие удобных инструментов поиска и классификации стимулировало исследователей к активному использованию методов количественного анализа. В итоге сегодня можно опираться на выводы предшественников, установивших разного рода корреляции между характером политики Соединенных Штатов в отношении Тайваня и партийным контролем над различными ветвями власти, активностью лоббистов, состоянием отношений между Тайванем и КНР, США и КНР и т. п. Вместе с тем мы исходим из убеждения, сформированного на основе опыта использования количественных методов при изучении самых разных политических сюжетов, что выводы, основанные на подсчетах и вычислении корреляций, не имеют большой эвристической ценности без учета конкретно-исторических ситуаций, которые запросто могут перевернуть всю картину, сформированную на базе количественных аргументов.

Так, например, в период президентства Трампа перестала реализовываться ранее зафиксированная закономерность, согласно которой наиболее эффективными в принятии связанных с Тайванем биллей и резолюций были составы палат Конгресса, контролируемые партией президента. 116-й Конгресс, работавший во второй половине четырехлетнего президентского срока Трампа, оказался более продуктивным по части “тайваньских” инициатив, несмотря на то что контроль над нижней палатой перешел в нем в руки оппозиционной президенту Демократической партии. Другие факторы – обострение американо-китайских отношений, антитрамповская консолидация партийных элит – сыграли свою роль и оказались сильнее традиционной механики взаимодействия ветвей власти.

Явно провокационный визит Н. Пелоси на Тайвань в 2022 г. также с трудом укладывается в логику разного рода количественных корреляций. Для того чтобы понять, зачем спикеру Палаты представителей понадобилось “раскачивать лодку” и подвергать угрозе хрупкую стабильность в Тайваньском проливе, необходимо прежде всего описать традиционные функции законодательной власти США в обеспечении этой стабильности.

ПРИНЦИП “СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ” В ОТНОШЕНИЯХ США С КИТАЕМ И ТАЙВАНЕМ

Исторически американский Конгресс оказался вовлечен в события вокруг Тайваня в силу совершенно уникальных обстоятельств. В 1979 г. логика холодной войны поставила власти США перед тяжелейшим выбором. На одной чаше весов находились отношения со старым союзником, Китайской Республикой (КР) на Тайване, в выживании и развитии которой Вашингтон вложил в предыдущие десятилетия больше денег (в пересчете на душу населения), чем в любого другого своего международного партнера. С другой стороны, нельзя было упускать шанс наладить отношения с Китайской Народной Республикой в качестве противовеса и средства давления на СССР. Поддерживать официальные дипломатические отношения одновременно с Пекином и Тайбэем было невозможно из-за их острого антагонизма. Президент Джимми Картер объявил о своем решении с 1 января 1979 г. перенести американское дипломати-

ческое представительство в Китае из Тайбэя в Пекин. Перед этим с острова были выведены американские войска, а договор о взаимной обороне между США и КР был денонсирован. Все это очень сильно напоминало предательство Вашингтоном старого друга и союзника во имя собственных корыстных интересов. В этой ситуации именно Конгресс США сказал свое веское слово. Принятый в апреле 1979 г. и без большого энтузиазма подписанный Картером Закон об отношениях с Тайванем (ЗОТ)¹ [ист. 3] не только зафиксировал рамки “неофициальных” отношений Соединенных Штатов с “народом Тайваня”, но и гарантировал сохранение вовлеченности США в обеспечение безопасности острова (или, иными словами, в сохранение его обособленного существования вне фактического контроля пекинских властей). Именно разработанная авторами ЗОТ формула американского участия – поставки вооружений и вербальное отождествление безопасности в зоне Тайваньского пролива с безопасностью Соединенных Штатов – оказалась основой сохранения статус-кво вокруг Тайваня на протяжении более 40 лет.

В декабре 2022 г. сенатор от Аляски Дэн Салливан назвал Закон об отношениях с Тайванем “самой значимой внешнеполитической инициативой Конгресса США за все время его существования” [ист. 4, р. S7275], и с этим мнением сегодня согласны очень многие, причем не только на Капитолийском холме. Тайвань – это действительно своеобразное детище Конгресса США, некогда спасенное им не только от врагов с материка, но и от нападков циничной и расчетливой американской президентской администрации (во всяком случае, именно в таком образе Тайвань часто предстает в риторике законодателей обеих партий США).

За прошедшие с 1979 г. десятилетия в политике Вашингтона на тайваньском направлении сформировались устойчивые паттерны, обеспечивающие поддержание выгодного Америке статус-кво в меняющихся условиях. Основные вызовы сложившемуся балансу исходили от развития китайско-тайваньских отношений, но и внутренняя политическая динамика в Соединенных Штатах оказывала существенное воздействие на ситуацию вокруг тайваньской проблемы.

Основой американского подхода принято считать “стратегическую неопределенность”,

¹ *Taiwan Relations Act (TRA)*.

которая обычно сводится к простой формуле: США не объявляют заранее, как они будут реагировать на два возможных события – начало военной операции КНР или объявление Тайванем государственной независимости. Эта неопределенность американской позиции оказывает сдерживающее влияние на пекинских и тайбэйских политиков: и те, и другие боятся просчитаться и либо оказаться втянутыми в войну с Америкой, либо не получить от нее ожидаемой поддержки.

Вместе с тем прошедшие с момента отказа США от “стратегической ясности” десятилетия показали, что реальная политическая борьба вокруг тайваньской проблемы идет по гораздо более сложному сценарию, официальная позиция и политика Вашингтона постоянно корректируется в весьма широких пределах и эволюционирует от “ясности” к “неопределенности” и обратно. Конечно, и само это непрерывное движение уже можно считать проявлением “стратегической неопределенности”, однако чем дальше, тем больше становится понятным, что суть происходящего уже давно не сводится к поддержанию статус-кво в Тайваньском проливе или контролю Соединенными Штатами поведения двух основных участников конфликта. *Сегодня политика “стратегической неопределенности” США – это комплекс дипломатических шагов, направленных против Китая*, достаточно тонко откалиброванных, чтобы не допустить резкой эскалации двустороннего конфликта, но в то же время поддерживающих высокий и постоянно возрастающий уровень внешнеполитического давления на КНР.

Тонкая дипломатическая игра вместо безоговорочного возвращения к четкому разделению мира на друзей и врагов (например, в форме дипломатического признания Тайваня или заключения с ним нового военного договора) осуществляется США не только потому, что варианты прямой поддержки острова способны полностью разрушить американо-китайские отношения, нанести огромный экономический урон и даже привести к военному конфликту. Еще одной немаловажной причиной является эффективность косвенных форм давления: растянутый во времени дипломатический прессинг оказывает разрушительное действие на оппонента. Даже если в настоящее время это дает возможность руководству КНР использовать образ Америки как “внешнего врага” для идейного сплочения

китайского общества, в долгосрочной перспективе необходимость концентрации на тайваньской проблеме вместо решения других, более насущных задач национального развития ведет к стратегическому ослаблению Китая как основного внешнеполитического конкурента Соединенных Штатов.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ США К ТАЙВАНЬСКОЙ ПРОБЛЕМЕ И МЕНЯЮЩАЯСЯ РОЛЬ КОНГРЕССА

Первые элементы политики “стратегической неопределенности” появились уже в Шанхайском коммюнике 1972 г., когда Договор о взаимной обороне между США и Китайской Республикой еще действовал и тема военной поддержки Тайваня Соединенными Штатами вопросов ни у кого не вызывала. Изложение американской позиции в коммюнике практически целиком состояло из формулировок “с двойным дном”. Соединенные Штаты заявляли, что они “принимают во внимание” китайскую позицию по Тайваню (а не “признают” принадлежность острова КНР). Вместо выражения “воссоединение Китая” американская сторона использовала формулировку “разрешение проблемы самими китайцами”, воздерживаясь таким образом от высказывания каких-либо предпочтений относительно будущего статуса Тайваня. В том же документе была впервые зафиксирована увязка смягчения позиции США по военной поддержке острова со “снижением напряженности” в зоне Тайваньского пролива [ист. 5]. Первоначально речь шла о выводе американских войск и закрытии баз, а потом, после выполнения Соединенными Штатами этого требования Пекина в 1979 г., та же логика была перенесена на поставки американских вооружений. В коммюнике 1982 г. США пообещали сокращать эти поставки вплоть до полного прекращения, но опять же только в случае снижения напряженности вокруг Тайваня. Таким образом, поддержание высокой степени неопределенности политической стратегии в отношении острова уже много десятилетий используется Вашингтоном в качестве удобного и эффективного инструмента оказания давления на Пекин. Китайская Народная Республика даже в периоды самого тесного политического и экономического сотрудничества с США никогда не рассматривалась Вашингтоном в качестве полноценного союзника, заслуживающего “стратегической ясности” даже в са-

мых принципиальных вопросах двусторонних отношений.

Тем не менее вплоть до начала второго десятилетия XXI в. стратегия США в отношении Китая строилась вокруг идеи его “вовлечения” в глобальные политические, экономические и культурные процессы с целью постепенной внутренней трансформации китайского общества и политического строя в нужном Америке направлении. Дискуссии о возможности демократизации КНР, возникновении политически субъектного вестернизированного среднего класса шли с 1980-х годов и не прекратились даже после разгона китайскими властями студенческих демонстраций в 1989 г., хотя вера в возможность благоприятного для США развития событий постепенно становилась все более зыбкой.

Неопределенность американской стратегии подкреплялась неопределенностью политического будущего Китая как участника международной системы. В отдельные моменты развитие американо-китайских отношений рассматривалось в Вашингтоне в достаточно оптимистичном ключе, и продвигающий свою политическую линию Тайвань выглядел как помеха на пути реализации американских внешнеполитических целей. В XXI в. самым известным примером давления Вашингтона на своего восточноазиатского квазисоюзника стали заявления администрации Джорджа Буша мл. в 2003 г., прозвучавшие в ответ на намерения тайваньского лидера Чэнь Шуйбяня организовать референдум об изменении государственного статуса острова. Представители Госдепартамента и Совета национальной безопасности США высказались тогда против любых односторонних попыток изменить статус-кво в Тайваньском проливе [5, p. 76].

Интересно, что в самом начале своего президентского срока тот же Дж. Буш мл. произвел небольшую сенсацию, заявив, что Соединенные Штаты обязаны прийти на помощь Тайваню в случае нападения со стороны КНР. Хотя это внезапное проявление “стратегической ясности” было дезавуировано буквально через несколько часов и США подтвердили неизменность своего отношения к тайваньской проблеме, политические оппоненты Буша внутри страны не упустили возможности раскритиковать президента за непонимание нюансов американской стратегии. Среди критиков был и сенатор Джозеф Байден, который опубликовал колонку в *The Washington Post*, где в манере школьного

учителя растолковал Бушу, чем военные обязательства отличаются от гибкой политической позиции, зафиксированной в Законе об отношениях с Тайванем. Байден завершил статью упреком в адрес президента: “невнимательность к деталям наносит ущерб доверию США со стороны союзников и сеет хаос во всем Тихоокеанском регионе” [6].

Через два десятилетия, заняв пост президента, Дж. Байден будто забыл о тех же самых нюансах и деталях тайваньской стратегии Вашингтона и менее чем за два года пребывания в Белом доме целых четыре раза публично подтвердил готовность США помочь Тайваню в случае военного нападения! Каждый раз сотрудники администрации ритуально опровергали изменение политического курса, но такое риторическое упорство американского лидера, конечно же, нельзя списать на оговорки либо неудачные формулировки. Американский подход к Китаю и Тайваню динамически меняется, что находит отражение в том числе и в выражениях, используемых должностными лицами.

На первых этапах разработки и реализации политики “стратегической неопределенности” в начале и середине 1970-х годов роль Конгресса США была не столь уж велика (основным архитектором нового подхода был тогда советник по национальной безопасности и госсекретарь Генри Киссинджер), но начиная с 1979 г. американские законодатели превратились в один из ключевых элементов механизма реализации американской стратегии в отношении Тайваня. Можно утверждать, что без участия Конгресса американской исполнительной власти не удалось бы на протяжении нескольких десятилетий поддерживать хрупкий баланс в отношениях с КНР и Тайванем, который, помимо прочего, зависел и от состояния общественного мнения в Соединенных Штатах. Работа с общественным мнением всегда была и остается одним из важнейших приоритетов американских законодателей, ведь большей их части каждые два года приходится проходить через горнило выборов. Политика “стратегической неопределенности” требовала постоянных компромиссов, уступок то Пекину, то Тайбэю, разного рода умолчаний и нелицеприятных (с точки зрения американского избирателя) действий. Ответственность за все эти негативные для политического имиджа шаги обычно приходилось брать на себя исполнительной власти. Конгрессмены и сенаторы

с удовольствием выступали в роли бескомпромиссных борцов за правду, разоблачающих корыстные замыслы сотрудников президентских администраций и восстанавливающих справедливость. Это особенно четко проявилось после демократизации политического режима на Тайване с начала 1990-х годов, когда даже принадлежащие к президентской партии законодатели часто не стеснялись подвергать Белый дом испепеляющей критике. Самым известным эпизодом такого рода стала история с поездкой лидера Тайваня Ли Дэньхуэя в США в 1995 г. на встречу выпускников Корнельского университета. Администрация Билла Клинтона сначала не хотела выдавать визу тайваньскому политику, чтобы не портить отношения с Пекином, но после принятия палатами Конгресса соответствующих резолюций была вынуждена это сделать (во всяком случае, это было подано именно как вынужденный шаг, сделанный лишь под давлением общественного мнения, выраженного конгрессменами и сенаторами) [ист. 6]. За визитом действительно последовал острый кризис в отношениях Китая с Тайванем и США, но он не помешал Вашингтону и Пекину вернуться к сотрудничеству и взаимопониманию в конце 1990-х годов.

В дальнейшем, в период нахождения у власти в Китае Ху Цзиньтао (2002–2013 гг.), американо-китайские отношения в сферах торговли и инвестиций стремительно развивались, и этот взаимный экономический интерес чаще всего заслонял политические противоречия. Основной заботой американских президентских администраций в этот период (особенно в 2000–2008 гг., когда во главе Тайваня стоял сторонник укрепления независимости острова Чэнь Шуйбянь) было предотвращение нарушения статус-кво в Тайваньском проливе из-за провокационных заявлений и политических инициатив тайваньского руководства. В такой обстановке Конгресс США практически не был востребован для осуществления политики “стратегической неопределенности”, разного рода второстепенные биллы и резолюции по тайваньской тематике часто вносились и обсуждались не в силу острой политической необходимости, а по инициативе лоббистов [1, p. 615].

В то же время именно по документам Конгресса проще всего проследить, как в США постепенно менялось восприятие Китая, происходило формирование “образа врага” и осоз-

нание “китайской угрозы”. Негативные оценки авторитарного политического строя КНР стали мейнстримом после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, но Китай как угроза национальной безопасности Соединенных Штатов стал активно фигурировать в американских общественно-политических дискуссиях лишь десятилетие спустя, когда вскрылись первые факты китайского промышленного шпионажа в США. Для нашей темы примечателен тот факт, что первой реакцией конгрессменов и сенаторов на китайскую угрозу стали призывы к корректировке Закона об отношениях с Тайванем в сторону большей “стратегической ясности”, более однозначной военной поддержки острова против возможных посягательств со стороны КНР. В частности, в 1999 г. было инициировано обсуждение Закона об укреплении безопасности Тайваня², в котором предлагалось “гарантировать предоставление Тайваню всего необходимого для обеспечения его обороны оборудования, запретить любое политически мотивированное сокращение поставок вооружений, предоставить возможность закупки широкого спектра оборонительных материалов”. Билль был одобрен 1 февраля 2000 г. нижней палатой (341 голосом против 70), но в Сенате на голосование не ставился и законом не стал [ист. 7]. Даже такое совсем незначительное ужесточение протайваньской риторики представлялось 20 лет назад чересчур провокационным (тем более что вскоре после этого США пришлось сосредоточить усилия на нейтрализации сепаратистских инициатив Чэнь Шуйбяня).

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА В АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА СИТУАЦИЮ ВОКРУГ ТАЙВАНЯ

Постепенное превращение Китая из “конкурента” в “соперника” США ускорило в годы президентства Барака Обамы, особенно во время его второго срока, когда пост председателя КНР занял Си Цзиньпин. Качественный же переход американо-китайских отношений из нейтрально-позитивной во враждебно-негативную фазу произошел после победы Д. Трампа на президентских выборах. Именно при Трампе американский Конгресс побил все рекорды по части законодательных корректировок полити-

² *Taiwan Security Enhancement Act (TSEA)*.

ки “стратегической неопределенности”, однако при внимательном анализе этого антикитайского порыва американских законодателей можно обнаружить ряд интересных деталей, которые указывают на сохраняющуюся роль Конгресса как балансира политики США в отношении Китая и Тайваня. Это именно тот случай, когда количественные методы анализа могут ввести неискушенного наблюдателя в заблуждение относительно истинного смысла происходящих событий.

Разные составы Конгресса с 1979 по 2019 г. в среднем инициировали по 17 биллей и совместных резолюций, связанных с тайваньской проблемой. В 2019–2020 гг. 116-й Конгресс инициировал 42 таких законопроекта, что значительно превышало даже показатели “пиковых” кризисных 1997–1999 гг. (тогда два состава Конгресса инициировали 26 и 28 “тайваньских” законопроектов) [1, р. 614]. Помимо количества законодательных инициатив, 116-й Конгресс отметился и однозначностью политической позиции по тайваньскому вопросу: все новации, дошедшие до стадии пленарного голосования, принимались единогласно. Вместе с тем именно в период президентства Трампа произошел слом традиционного механизма осуществления политики “стратегической неопределенности”: не Конгресс, а президент взял на себя функции “защитника демократического Тайваня”, часто в ущерб отношениям с Пекином. Конгрессмены же и сенаторы, особенно принадлежащие к умеренному крылу обеих партий, в меру сил сглаживали возможные негативные последствия действий президента и предотвращали полное разрушение принципа “стратегической неопределенности” в американской политике. В большинстве случаев этим приходилось заниматься негласно, с помощью подбора осторожных и двусмысленных формулировок в законопроектах, так как сложившаяся в США после начала “торговой войны” с Китаем политическая атмосфера уже не позволяла открыто занимать сторону Пекина практически по любому аспекту китайско-тайваньских отношений.

Весной 2018 г., когда противостояние Трампа с Китаем вошло в горячую фазу, Конгрессом был принят Закон о визитах на Тайвань³, согласно которому американская исполнительная власть должна была не просто разрешать, но даже стимулировать обмены визитами с Тайванем на

уровне вплоть до министерского [ист. 8]. На первый взгляд этот закон явно противоречил все еще официально признаваемому США принципу “одного Китая”, равно как и содержанию Закона об отношениях с Тайванем 1979 г., в котором четко постулировался неофициальный характер отношений. Вроде бы Конгресс здесь действовал на одной волне с Трампом, который подписал новый закон 16 марта 2018 г. Однако, если внимательно изучить текст, становится понятно, что документ, по сути, лишь фиксировал мнение Конгресса, не требовал от исполнительной власти организовывать визиты, а лишь декларировал одобрение такого рода политики. С юридической точки зрения *ТТА* ничего не менял в американском подходе и не нарушал положений Закона об отношениях с Тайванем.

Другим примером сдержанности Конгресса, замаскированной под антикитайский радикализм, можно считать Закон о защите и продвижении позиций тайваньских союзников на международной арене⁴, подписанный Трампом 26 марта 2020 г. В этом законе содержались рекомендации исполнительной власти по развитию экономических связей с островом, а также укреплению позиций Тайваня на международной арене. Законодатели даже предлагали “рассмотреть в отдельных случаях, когда это соответствует интересам США, возможность расширения экономических, дипломатических и военных связей со странами, которые демонстративно укрепляют отношения с Тайванем или переводят их на новый уровень” [ист. 9]. Иными словами, не отказываясь официально от политики “одного Китая”, Соединенные Штаты должны были теперь поддерживать те страны, которые находили в себе смелость от такой политики отказываться! Конечно, такой законотворческий кульбит свидетельствовал не только о намерении помочь Тайваню, но и о сохраняющемся желании американских политиков “усидеть на двух стульях”, не разрушать отношения с Китаем окончательно и бесповоротно. К тому же данная мера по поддержке Тайваня опять была преподнесена только в качестве рекомендации, а не обязательного к исполнению требования.

Законотворческую активность 116-го Конгресса по тайваньскому вопросу можно объяснить “фактором Трампа” — случившимся в период администрации этого президента обострением

³ *Taiwan Travel Act (TTA)*.

⁴ *Taiwan Allies International Protection and Enhancement Initiative (TAIPEI) Act of 2019*.

отношений с Китаем, а также стремлением антитрамповски настроенных элит перехватить инициативу и взять под контроль наиболее чувствительные политические направления. Однако и после смены партийного контроля над Белым домом и Конгрессом набранную антикитайскую инерцию было уже не сдержать. 117-й Конгресс (2021–2022 гг.) в очередной раз побил рекорд по числу законодательных инициатив, связанных с тайваньской проблемой. Было внесено 49 биллей со словом “Тайвань” в заголовке и еще несколько законопроектов, в которых тайваньская тема подробно затрагивалась внутри текста. Четыре законопроекта стали законами, из них наиболее интересны два Закона о полномочиях в сфере национальной обороны⁵, подписанные Дж. Байденом 27 декабря 2021 г. и 23 декабря 2022 г. [ист-ки 10, 11]. Даже простейший контент-анализ этих двух документов отлично иллюстрирует динамику интереса к тайваньской проблеме в американском Конгрессе: в первом из них Тайвань упоминается 82 раза (что само по себе беспрецедентно), а во втором содержится уже 472 таких упоминания!

Закон 2022 г. в качестве составной части включал Закон об укреплении обороноспособности Тайваня⁶ — самый подробный нормативный документ по Тайваню, принятый Конгрессом США со времен Закона об отношениях с Тайванем 1979 г. Причем, если в 1979 г. для описания всех компонентов новой американской политики законодателям хватило 4 тыс. слов, в 2022 г. для внесения в эту политику незначительных корректировок слов уже понадобилось в 4.5 раза больше (18 тыс.!).

Действительно, несмотря на свой объем, существенных изменений в политику “стратегической неопределенности” *TERA* не внес. Наиболее примечательной законодательной новеллой стало первое с 1979 г. обещание выделить Тайваню грант на закупку вооружений (10 млрд долл. в течение пяти лет) — ранее власти острова оплачивали поставки самостоятельно. Вместе с тем, по сравнению с первоначальной версией законопроекта, из подписанного президентом варианта исчезли такие положения, как наделение Тайваня статусом основного союзника вне НАТО, изменение названия неофициального

представительства Тайваня в Вашингтоне (с заменой слова “тайбэйское” на “тайваньское”), а также требование использовать слово “правительство Тайваня” вместо “администрация Тайваня” в официальных документах США. Даже призыв заключить с Тайванем двустороннее соглашение о свободной торговле был старательно вычищен из текста противниками чрезмерного укрепления связей с островом в ущерб американским интересам.

Таким образом, мы видим, что в условиях большого эмоционального накала и резкого обострения ситуации в Тайваньском проливе в 2022 г. американский Конгресс тем не менее подавал Пекину разнонаправленные сигналы. Умеренно настроенные конгрессмены и сенаторы не давали хода наиболее радикальным инициативам, направленным на быстрое разрушение традиционной политики “стратегической неопределенности”. Вместе с тем уровень конфликтности, уже достигнутый в американо-китайских отношениях, ставит под большое сомнение возможность сохранения “стратегической неопределенности” в качестве эффективного политического инструмента. Сегодня эта неопределенность существует по большей части лишь в виде риторических фигур (фраз о приверженности принципу “одного Китая”, трем коммюнике⁷, “шести гарантиям”⁸, положениям Закона об отношениях с Тайванем и т. п.). В практической же политике США демонстрируют полную “стратегическую ясность”. Вряд ли кто-то в КНР сегодня всерьез верит, что на военную операцию Китая в Тайваньском проливе не последует никакой реакции со стороны Вашингтона. Неопределенность существует лишь относительно характера и масштаба этой реакции, поведения американских союзников. Конечно, действия тайваньских властей, в частности провокативные шаги в направлении объявления го-

⁷ “Шанхайское коммюнике” 28 февраля 1972 г., “Совместное китайско-американское коммюнике об установлении дипломатических отношений” 16 декабря 1978 г., “Коммюнике 17 августа” 1982 г.

⁸ Гарантии, переданные в устной форме администрацией Рональда Рейгана тайбэйскому руководству в 1982 г.: 1) не устанавливать дату прекращения продажи оружия Тайваню; 2) не консультироваться с Китайской Народной Республикой по вопросам продажи оружия Тайваню; 3) не играть роль посредника между Тайбэем и Пекином; 4) не пересматривать Закон США об отношениях с Тайванем; 5) не менять своей позиции относительно суверенитета над Тайванем; 6) не оказывать давление на Тайвань, чтобы он начал переговоры с КНР.

⁵ *National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2022*, James M. Inhofe *National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2023*.

⁶ *Taiwan Enhanced Resilience Act (TERA)*.

сударственной независимости, все еще способны как-то повлиять на степень вовлеченности США в потенциальный конфликт. Однако они уже не выглядят как абсолютное табу, категорически неприемлемое для Соединенных Штатов. Президент Байден в сентябре 2022 г. впервые публично объявил, что хотя США и не оказывают поддержки делу тайваньской независимости, ее объявление остается правом народа Тайваня [7]. Отставные же американские политики давно и не стесняясь говорят об этом, особенно в ходе многочисленных визитов на Тайвань [8, 9].

Именно устранение последних элементов неопределенности в американской политике по отношению к Тайваню стало важной заботой 118-го Конгресса США, начавшего работу в январе 2023 г. Внесенный в Сенат Марко Рубио 30 марта законопроект “О защите Тайваня и его обороноспособности”⁹ посвящен подробному изложению санкций, которые будут автоматически применены к КНР в случае начала боевых действий в Тайваньском проливе. Идея циркулировала в стенах Конгресса уже несколько лет, но теперь впервые была представлена в виде специального законопроекта. Конечно, перспективы его принятия пока совершенно туманны, но билль четко определяет подход к проблеме со стороны значительной части американских законодателей [ист. 12].

Еще один показательный эпизод деятельности 118-го Конгресса демонстрирует ту же тенденцию. 25 января 2023 г. член Палаты представителей от Висконсина, республиканец Томас Тиффани внес проект резолюции с призывом восстановить полноценные дипломатические отношения с Китайской Республикой на Тайване. Подобные резолюции Тиффани уже вносил несколько раз начиная с 2020 г., и, конечно же, они не шли дальше комитета Палаты представителей по иностранным делам. Однако, если в 2020 г. в поддержку резолюции не выступил никто, кроме ее автора, в 2023 г. уже в момент ее внесения Тиффани поддержали 18 членов Палаты, а к началу июня число спонсоров резолюции выросло до 41 депутата [ист. 13]. Отметим, что среди них не было ни одного представителя Демократической партии, то есть давно отмеченное исследователями доминирование республиканцев в сфере радикальных законодательных инициатив, направленных на отказ от политики “стратегической неопределенности”, сохраня-

ется и в 2023 г. Однако события последних лет – визит демократического спикера Палаты представителей Н. Пелоси на Тайвань, заявления президента-демократа Дж. Байдена о безусловной поддержке Тайваня и праве жителей острова на самоопределение – заставляют задуматься о нюансах современных партийных позиций по тайваньскому вопросу.

Еще с 1990-х годов подход Республиканской партии к тайваньской проблеме отличался акцентом на вопросы укрепления обороноспособности острова, а также предусматривал демонстративные шаги по внесению большей ясности в “стратегическую неопределенность”, обычно в ответ на усиление давления Пекина на Тайбэй. Конгрессмены же и сенаторы от Демократической партии проявляли больше интереса к поддержке различных инициатив тайваньской дипломатии, в частности ее многолетних и малоуспешных попыток расширить представительство Тайваня в международных организациях. Иными словами, республиканцы чаще рассматривали Тайвань как инструмент политики США, удобный для оказания давления на Китай, а демократы пытались проводить ценностную политику, поддерживая международную субъектность Тайваня как демократического общества и процветающей экономики. До президентства Трампа абсолютное большинство американских политиков-демократов исходило из посылки, что статус-кво в Тайваньском проливе, поддерживаемый политикой “стратегической неопределенности”, полностью соответствует национальным интересам Соединенных Штатов, и любые протайваньские инициативы Конгресса или Белого дома не должны этот статус-кво нарушать. Республиканцы же постоянно подозревали Китай в стремлении вывести ситуацию вокруг Тайваня из равновесия с целью реализовать свою программу воссоединения страны. Поэтому для Республиканской партии США, особенно ее “ястребиного” крыла, статус-кво вокруг Тайваня не был чем-то самоценным: политики этого направления просто считали внешнюю стабильность в Тайваньском проливе совершенно иллюзорной. Президент Трамп, решивший, что в условиях “торговой войны” демонстративные шаги в поддержку Тайваня смогут стать эффективным рычагом давления на Пекин, ненароком реализовал это самосбывающееся пророчество республиканских “ястребов”: стабильность в Тайваньском проливе стала иллюзией не только в политических прогнозах, но и в реальности.

⁹ *Taiwan Protection and National Resilience Act of 2023.*

Китай начал серию военных учений и маневров вокруг Тайваня, которые к настоящему времени превратились в ежедневную рутину.

Переход Демократической партии от поддержания статус-кво к откровенным провокациям и резким заявлениям, с одной стороны, объясняется объективным изменением обстановки вокруг Тайваня (она уже находится в состоянии кризиса, хотя пока и вялотекущего), а с другой – продиктован логикой внутривнутриполитической борьбы в США, где мы наблюдаем резкий всплеск идейной поляризации и заинтересованности политиков в привлечении голосов радикально настроенных избирателей [10, с. 13]. Поляризованное общество при демократическом политическом строе не может выносить на вершину власти политиков умеренных взглядов. И даже если опытные лидеры их объективно придерживаются (что, несомненно, справедливо в отношении Дж. Байдена), логика политической борьбы требует от них перехода на более радикальные позиции по важным проблемам.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, заметим, что реализуемая США с 1970-х годов политика “стратегической неопределенности” в отношении Китая и Тайваня представляет собой сложный комплекс из нормативных постановлений, риторических фигур, практических шагов в сферах дипломатии, экономики и безопасности. Хотя ее изначальной целью было формирование и поддержание выгодного для Соединенных Штатов статус-кво в Тайваньском проливе, за прошедшие десятилетия Вашингтон неоднократно использовал неопределенность своей позиции по Тайваню не в качестве стабилизатора, а в качестве инструмента давления на Китай. Наиболее четко это проявилось в последние пять лет, и первым президентом, который начал открыто провоцировать Пекин с помощью демонстративных шагов в поддержку Тайваня, был Дональд Трамп. Однако и в относительно спокойные периоды американо-китайских отношений США не отказывались полностью от давления на КНР посредством внесения большей “стратегической ясности” в свои отношения с Тайванем. Основным источником такого давления обычно выступал Конгресс, что позволяло американской исполнительной власти при необходимости отмежевываться от разного рода радикальных инициатив и подтверждать свою приверженность

принципу “одного Китая” и другим элементам традиционной политики. Внутри Конгресса радикально настроенным сторонникам Тайваня также противостояли умеренные конгрессмены и сенаторы, которые либо не давали хода внесенным биллям и резолюциям, либо вносили в их тексты “смягчающие” поправки.

За последние пять лет, в условиях резкого ухудшения американо-китайских отношений, позиция простых американцев по тайваньской проблеме существенно поменялась. Сегодня в США уже мало кто верит в возможность восстановления баланса и стабильности в Тайваньском проливе с помощью синхронного сдерживания Тайбэя и Пекина. Согласно опросу общественного мнения, проведенному в августе 2022 г., американцы оценили уровень своих симпатий к Тайваню в 60 баллов из 100, а к Китаю – лишь в 32 балла [11]. В феврале 2023 г. более половины (51%) опрошенных американцев высказались в поддержку жесткой политики в отношении КНР по тайваньскому вопросу и только 24% заявили, что сохранение нормальных отношений с Китаем должно оставаться приоритетом. Остальные 25% участников опроса не смогли сформулировать однозначной позиции [12].

В новых условиях исполнительная власть и Конгресс США фактически перешли к плавному демонтажу “стратегической неопределенности” в отношениях с Китаем и Тайванем. Темпы этого демонтажа определяются внутривнутриполитической динамикой и международным контекстом. Умеренным политикам пока удается контролировать процесс, но даже они уже не в состоянии повернуть его вспять. По всей вероятности, в ближайшие годы мы будем свидетелями восстановления всех основных элементов “стратегической ясности” в американо-тайваньских отношениях, особенно в сфере безопасности. Американские военные советники и инструкторы уже работают на Тайване, тайваньские вооруженные силы приглашены к участию в совместных учениях, стоит ожидать лишь дальнейшего развития этих контактов. В сфере дипломатии принцип неофициальности отношений также уже фактически разрушен. Американские законодатели продолжают активно работать в этом направлении.

Возможно, что какие-то элементы “стратегической неопределенности” все-таки уцелеют (например, США “до последнего” не станут разрывать дипломатические отношения с Пекином и восстанавливать их с Тайбэем), но разнообраз-

ные санкции и ограничения в сфере высоких технологий, перенаправление инвестиций и другие недружественные шаги в отношении КНР вполне могут создать напряженность между Соединенными Штатами и Китаем, превышающую уровень самых мрачных периодов холодной войны.

Происходящие события подтверждают выводы исследователей механизма внешней политики США и роли Конгресса, согласно которым роль законодателей возрастает в кризисные периоды и снижается в периоды международной стабильности [13, р. 146]. Эмоциональная реакция общественного мнения на события в мировой политике пробуждает творческую энергию конгрессменов и сенаторов, их законодательные инициативы отражают стремление “соответствовать моменту” и дать ответ на внешние вызовы в соответствии с настроениями избирателей. Итоги такого законотворчества далеко не всегда оказываются благоприятными с точки зрения национальных интересов и укрепления позиций Соединенных Штатов на международной арене. Однако они создают новую политическую реальность и иногда формируют основы американской внешней политики на долгие годы вперед (как это было с Законом об отношениях с Тайванем после 1979 г.).

Ключевой вопрос современного политического развития США: найдется ли в действующем

механизме внутри- и внешнеполитическом достаточное количество рычагов, сдерживающих лавину эмоциональной идейной радикализации и поляризации. Внешним партнерам и оппонентам Соединенных Штатов стоит не просто ждать, чем все закончится, но и трезво оценивать все риски сложившейся ситуации. Для Китая существующая политическая динамика может выглядеть многообещающей, исходя из представления об ослаблении США из-за внутренних противоречий. Это способно спровоцировать китайское руководство на резкие движения в отношении Тайваня, о которых потом, возможно, придется пожалеть. Но то же самое с другим знаком справедливо и применительно к действиям тайваньских политиков и к общественным настроениям на острове. Если на Тайване примут за чистую монету демонстративные шаги Вашингтона по обеспечению безопасности (хотя они в значительной степени являются лишь побочным продуктом американской внутриполитической борьбы), это может породить необоснованные надежды на военную поддержку США в случае начала боевых действий. Симпатии избирателей, которым предстоит в январе 2024 г. проголосовать за нового лидера Тайваня, могут склониться на сторону радикально настроенных кандидатов, что еще дальше раскрутит спираль конфронтации между островом и материком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Lin G., Zhou W., Wu W. What Shapes Taiwan-related Legislation in U.S. Congress? *Journal of Contemporary China*, 2022, vol. 31, iss. 136, pp. 609–625. DOI: 10.1080/10670564.2021.1985840
2. Kastner S. L., Grob D. B. Legislative Foundations of U.S.–Taiwan Relations: A New Look at the Congressional Taiwan Caucus. *Foreign Policy Analysis*, 2009, vol. 5, iss. 1 (January), pp. 57–72. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2008.00083.x
3. Хлопов О.А. Влияние Конгресса США на развитие американо-китайских отношений. *Бюллетень науки и практики*, 2022, т. 8, № 9, сс. 654–663.
Khlopov O. The Impact of the U.S. Congress on the Development of American-Chinese Relations. *Bulletin of Science and Practice*, 2022, vol. 8, no. 9, pp. 654–663. (In Russ.) DOI: 10.33619/2414-2948/82/74
4. Волошина А.В. Конец политики “стратегической неопределенности” в отношении Тайваня? *Россия и Америка в XXI веке*, 2022, спецвыпуск.
Voloshina A.V. The End of the U.S. Policy of “Strategic Ambiguity” toward Taiwan? *United States and Russia in the XXI Century*, 2022, Special Issue. (In Russ.) Available at: <https://www.ifes-ras.ru/ru-RU/library/834> (accessed 05.06.2023). DOI: 10.18254/S207054760023892-8
5. Kan S.A. *China/Taiwan: Evolution of the “One China” Policy – Key Statements from Washington, Beijing, and Taipei*. Congressional Research Service, 10.10.2014. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/row/RL30341.pdf> (accessed 05.06.2023).
6. Biden J. Not So Deft on Taiwan. *The Washington Post*, 02.05.2001. Available at: https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2001/05/02/not-so-deft-on-taiwan/2adf3075-ee98-4e70-9be0-5459ce1edd5d/?itid=ik_inline_manual_13 (accessed 05.06.2023).
7. Brunnstrom D., Hunnicutt T. Biden Says U.S. Forces Would Defend Taiwan in the Event of a Chinese Invasion. *Reuters*, 19.09.2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/biden-says-us-forces-would-defend-taiwan-event-chinese-invasion-2022-09-18/> (accessed 05.06.2023).

8. Blanchard B. U.S. Should Recognise Taiwan, Former Top Diplomat Pompeo Says. *Reuters*, 04.03.2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/us-should-recognise-taiwan-former-top-diplomat-pompeo-says-2022-03-04/> (accessed 05.06.2023).
9. Chung L. Former U.S. Defence Chief Says One-China Policy Has 'Outlived Its Usefulness'. *South China Morning Post*, 19.07.2022. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3185818/former-us-defence-chief-says-one-china-policy-has-outlived-its> (accessed 05.06.2023).
10. Журавлёва В.Ю. Левая дилемма Дж. Байдена и Демократической партии. *Мировая экономика и международные отношения*, 2022, т. 66, № 12, сс. 5-15.
Zhuravleva V.Yu. The Democratic Party and President Joe Biden Face to Rising Left-Wing Populism. *World Economy and International Relations*, 2022, vol. 66, no. 12, pp. 5-15. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-12-5-15>
11. Smeltz D., Kafura C. Americans Favor Aiding Taiwan Against China. *Chicago Council on Global Affairs*, 11.08.2022. Available at: <https://globalaffairs.org/research/public-opinion-survey/americans-favor-aiding-taiwan-against-china> (accessed 05.06.2023).
12. Orth T. More Americans Prefer Taking a Strong Stand to Protect Taiwan than Would Choose Good China Relations. *YouGov*, 02.03.2023. Available at: <https://today.yougov.com/topics/international/articles-reports/2023/03/01/american-opinion-china-taiwan-conflict-poll> (accessed 05.06.2023).
13. Henehan M.T. *Foreign Policy and Congress: An International Relations Perspective*. University of Michigan Press, 2000. 213 p.

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. *Taiwan China*. Google Trends. Available at: <https://trends.google.com/trends/explore?date=all&q=Taiwan%20China> (accessed 05.06.2023).
2. Gingrich Meets with Taiwan's President. *United Press International*, 02.04.1997. Available at: <https://www.upi.com/Archives/1997/04/02/Gingrich-meets-with-Taiwans-president/5806859957200/> (accessed 05.06.2023).
3. *Taiwan Relations Act*. Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/96/statute/STATUTE-93/STATUTE-93-Pg14.pdf> (accessed 05.06.2023).
4. *Congressional Record – Senate*, 19.12.2022. Available at: <https://www.congress.gov/117/crec/2022/12/19/168/197/CREC-2022-12-19-pt1-PgS7274.pdf> (accessed 05.06.2023).
5. *Joint Statement Following Discussions with Leaders of the People's Republic of China*. Office of the Historian. Department of State. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v17/d203> (accessed 05.06.2023).
6. *Expressing the Sense of the Congress Regarding a Private Visit by President Lee Teng-hui of the Republic of China on Taiwan to the United States*. Agreed to 09.05.1995. Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/104/bills/hconres53/BILLS-104hconres53enr.pdf> (accessed 05.06.2023).
7. *Taiwan Security Enhancement Act*. Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/106/bills/hr1838/BILLS-106hr1838pcs.pdf> (accessed 05.06.2023).
8. *Taiwan Travel Act*. Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ135/PLAW-115publ135.pdf> (accessed 05.06.2023).
9. *Taiwan Allies International Protection and Enhancement Initiative (TAIPEI) Act of 2019*. Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/116/plaws/publ135/PLAW-116publ135.pdf> (accessed 05.06.2023).
10. *National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2022*. Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/117/plaws/publ81/PLAW-117publ81.pdf> (accessed 05.06.2023).
11. *James M. Inhofe National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2023*. Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/117/plaws/publ263/PLAW-117publ263.pdf> (accessed 05.06.2023).
12. *Taiwan Protection and National Resilience Act of 2023*. Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/118/bills/s1074/BILLS-118s1074is.pdf> (accessed 05.06.2023).
13. *Expressing the Sense of Congress that the United States Should Resume Normal Diplomatic Relations with Taiwan, Negotiate a Bilateral Free Trade Agreement with Taiwan, and Support Taiwan's Membership in International Organizations*. Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-concurrent-resolution/10/text?s=1&r=78> (accessed 05.06.2023).